

Пролог

... В руке у меня ломтик чёрного хлеба, намазанный сверху маслом и присыпанный солью. Мне четырнадцать лет, я вернулась из школы. Дома никого, разогревать обед лень. Сама собой мелькнула в голове мысль: «Что может быть лучше и вкуснее куска хлеба с маслом?..» Почему-то она показалась мне не моей, родившейся вне меня, но очень лаконичной и правильной. А ведь как здорово, подумала я тогда, уметь слышать свои мысли, записывать их, находя самые точные слова, – может быть, у меня есть к этому склонность? Скорее всего, есть – уверила я себя. И время от времени с тех пор подумывала, как же реализовать эти свои способности...

Как-то вечером, лёжа в кровати с книгой, пришла к выводу (видимо, под впечатлением судьбы прикованного к постели Николая Островского), что писательская профессия, возможно, самая надёжная – ею можно заниматься и тогда, когда работает только голова... Не детские мысли, но о том ли ещё приходится задумываться детям слишком рано...

Увы, в окружении моём больших эрудитов не было. Учителя в школе – довольно невыразительные и в основном женщины, которые после уроков мчались домой, к своим семейным проблемам. Выпадала из этого озабоченного домашними делами коллектива лишь учительница русского языка и литературы Таисия Павловна Телеш. Неимоверно жаль, что литературу мы изучали только русскую и советскую, в основ-

ном классическую, по строго регламентированному списку, практически не касаясь современной и уж тем более зарубежной. Да и не изучали вовсе, а «проходили», потому что кто-то просто листал толстенные или не очень тома, кто-то читал выборочно, но абсолютно уверена, что полный текст «Войны и мира» или «Тихого Дона» со всеми баталиями и перипетиями не осилил в нашем классе никто. Короче, ликбез.

Домашних дел у Таисии Павловны тоже было невпроворот – в круге ее постоянных забот пребывали три дочки-школьницы и деревянный особняк на улочке, примыкающей к Пышкам – сосновому лесу в черте города, доставшийся ее мужу, работавшему в лесхозе. У всех учителей были свои короткие имена-клички, с помощью которых легко предупредить класс о приближении педагога. «Таиса идёт!» – кричал кто-нибудь от двери, завидев учительницу литературы, и мы затихали. Таиса умела быть строгой, сердитой, но, не в пример остальным коллегам, часто смеялась, шутила, подкалывала учеников и, с помощью намеков, – учителей. Язык у неё был острый. Ко мне Таисия Павловна относилась трезво, иногда настороженно, чаще – благосклонно. Думаю, её впечатляли мои пространные сочинения на заданную или свободную тему, которые я строчила ночами. Она снисходительно принимала мои превентивные признания в том, что к уроку я не готова, потому что зачиталась «Хождением по мукам»... Еще ей нравилось, как я декламирую стихи. Благодаря Таисе мы находили занятия в школе и вечерами: выпускали литературный журнал, репетировали пьесы, готовили концерты. И всем этим заправляла она.

Единственная из учителей Таисия Павловна угадала или тонко почувствовала, какой профессией мне стоит заняться. «Тане нужно поступать на журналистику», – настраивала она мою маму. Возможно, Таиса что-то знала о специфике журналистской работы, а может, имела чисто читательское представление. Но ни я, ни мои одноклассники и подружки зелёного понятия об этой профессии не имели. Родителей-жур-

налистов ни у кого не было. Журфака в городе – тоже. Вообще три гродненских института – пед, мед и сельхоз – вызывали у меня и моих одарённых друзей (не преувеличиваю, поскольку это подтвердили их будущие судьбы) жуткую тоску и отторжение. Эти провинциальные вузы предлагали такие банальные специальности – учитель, врач, агроном, а нам хотелось и мечталось, как в «Девяти днях одного года» и в «Иду на грозу» – советских суперфильмах, вышедших тогда на экран, сказать своё слово в большой науке – ядерной физике, пусть даже ценой собственной жизни.

С этой благородной и высокой мыслью мы с подружками отыскивали в справочнике для абитуриентов заманчивый московский вуз, где готовили физиков будущего, и ничтоже сумняшеся ринулись его штурмовать. В МИФИ – Московский инженерно-физический институт – мы тогда не прорвались, готовили нас в школе далеко не к самым престижным столичным вузам, которые предусмотрительно проводили экзамены повышенной сложности в июле, давая возможность провалившимся попытать счастья в августе в институтах с более скромным имиджем. Что мы и сделали. Так девять мальчиков и девочек из нашего выпуска поступили-таки в институты и университеты Москвы и Ленинграда. Мне достался московский энергетический – МЭИ.

Защитив диплом инженера-энергетика, отработав несколько лет в проектном и исследовательском институтах и параллельно учась на факультете журналистики, я всё-таки предпочла инженерному делу газетное. Видимо, на роду было написано...